

Светлана Мурси-Гудёж

ПЕРВАЯ СКАЗКА ГОРЫ ХУОШАН. ЛОНГ И ШУУК-ШУ

12+

«В Китае однажды жил человек, которому нравились драконы, и вся одежда и обстановка в доме были украшены их изображениями. О его глубоком увлечении этими существами стало известно драконьему богу, и в один прекрасный день перед окном этого человека появился настоящий дракон. Говорят, что человек этот умер от страха. Вероятно, он был из тех людей, кто громкогласно говорят одно, но, когда доходит до дела, поступают совсем иначе.»

*Ямамото Цунтэномо
«Хагакурэ» («Сокрытое в листве»)*

Первая сказка горы Хуошан.
Лонг и Шуук-Шу

Лонг мощен. Сквозь крепкую непробиваемую шкуру прорываются контуры упругих мышц. Полуприщуренные оранжевые глаза с вертикальными зрачками смотрят немигающим взглядом. Сверху от хребта и вдоль хвоста идет темно-оранжевая полоска. Такая же, но поуже идет вдоль перепонок огромных кожистых крыльев. Упругая коричневатая чешуя на боках и брюхе отликает металлом. Изнутри Лонга время от времени вырывается грыханье – рокотание, подобное дальнему гулу землетрясения.

Как и все его сородичи, Лонг одинок. Давным-давно он присмотрел себе уютную ущелину с защищенным от чьих-либо взглядов входом с подветренной стороны склона в предгорье танцующей горы Хуошан. Попасты в ущелину Лонга можно только с воздуха. Лонг не боится непрошенных гостей. Визиты птиц предположить забавно, а лонги друг к другу в гости без приглашения не прилетают.

В ущелине Лонгу уютно. Время от времени Лонг даже устраивает подобие уборки, выбрасывая наружу накопившиеся кости, черепа и остатки шкур от добычи.

После обеда Лонг схематично зарисовывает каждое добытое животное на стене ущелины. Он обмакивает кончик хвоста в пятно оранжевого болюса в углу, сильными штрихами рисует коз, овец, коров и буйволов. Иногда процарапывает когтями детали и, грыхая, огнем добавляет полутона.

За то время, что Лонг живет в ущелине, рисунков набралось целое стадо. Иногда Лонг думает, что нарисованное стадо способствует его удачной охоте.

Почему люди думают, что лонги живут в мокрых, скользких и неопрятных подземельях? Откуда люди это взяли? Непонятно. Лонги любят сухость, минимальный уют, вдумчиво пририсовать кончиком хвоста. Лонги терпеть не могут, когда их зря беспокоят.

Снаружи неприметного входа в ущелину Лонга идет обычная жизнь предгорий. Течет Шуй-река, лихо разбрызгивая струи на крутых поворотах. Дно и берега Шуй-реки устланы галькой - округлой и отполированной.

Когтистыми лапами Лонг выкопал себе лагуну по размерам, натащил в нее самой округлой гальки. Время от времени Лонг грыхает в лагуну и устраивает себе купания в подогретой воде, с удовольствием крутится в лагуне и чистит галькой чешуйчатые бока, переворачивается на спину и массирует огромные крылья. Фыркает. Грыхает. И нежится на солнышке.

.....

Сегодня, из ущелины, Лонг слышит на склоне странные постукивания. Как раз рядом с купальной-лагуной кто-то перекладывает гальку с места на место. Камушки скатываются вниз по склону, стучаются о валуны.

Лонг не боится визитеров. Лонг крупнее и мощнее самого большого из существ в этих краях. К тому же, стук такие нервные, такие рваные и торопливые – Лонг уже по шуму определяет, что существо, которое их производит, ужасно пугливо.

Лонг с наслаждением переворачивается на другой бок, вытягивает когтистые лапы, грыхает огнем на груду сухого валежника, принесенного накануне в когтях.

Огонь не нужен Лонгу, чтобы согреться: лонги сами по себе очень горячи. Время от времени им нужно остужаться в воде или даже в снегу предгорий. Просто Лонгу нравится, когда в ущелине мерцают огненные блики.

Постукивания не прекращаются. Тогда Лонг переворачивается на другой бок, потягивается, и льнет немигающим глазом к щели в стене.

На склоне, на берегу Шуй-реки, у лагуны-купальни суется прыткий шуук.

Ничего себе, - раздражается Лонг. – Если один шуук сюда забрел, позднее их набегит целая стая.

Лонг пристально рассматривает визитера. Шуук-Шу – крупный шуук с длинным чешуйчатым хвостом, большими ушами, покорябанными в драках, и оранжевым пятном на

левой перепончатой лапке. Мокрая коричневато-серая шерсть переливается, когда шуук суетливо прыгает по гальке.

Шуук-Шу строит. Вначале Лонг не может понять, что именно строит Шуук-Шу, но потом тихонько усмеваются – а лонги смеются крайне редко.

Шуук-Шу таскает гальку перепончатыми лапками и строит домик. Одна стенка, сложенная из плохо держащейся округлой гальки, уже готова и почти примыкает к лагуне-купальне. Теперь Шуук-Шу строит вход.

- И откуда только шуук взялся здесь? – размышляет Лонг, сладко потягиваясь в ущелине. Шууки не живут в горах. Шууки ютятся рядом с людьми, под домами. Этот – водоплавающий, раз лапки перепончатые. Они живут под лодками, на складах, там, где много еды. В горах для шууков никакой еды нет. Даже представить нельзя, чем может питаться Шуук-Шу здесь, в танцующих предгорьях горы Хуошан. Шууки всегда селятся семьями, огромными колониями.

Лонги всегда одиноки. Всего пару раз за всю долгую, в несколько столетий, жизнь, они встречаются с другими лонгом, чтобы отложить яйцо и вырастить детеныша. Как только маленький лонг набирается мощи и становится самостоятельным, лонги-родители разлетаются по своим ущелинам и живут долго, очень долго, пока не одряхлеют. Тогда они взмывают в последний полет и бросаются в кратер горы Хуошан. Бывает, что лонгов убивают люди – для этого нужно объединиться очень многим – ни одному из людей не удавалось убить лонга в одиночку.

Лонг внимательно прислушивается к постукиваниям камешков на берегу. Лонга все больше охватывает тоска: если здесь поселится целое семейство шууков, то со спокойной жизнью придется расстаться. Утешает Лонга только то, что Шуук-Шу совсем нечего есть в этих краях.

Да и потом...

Лонг знает очень много о Шуй-реке. Лонг хорошо помнит, как на том же самом месте, на котором сейчас Шуук-Шу увлеченно строит домик, когда-то гнездились семейство надоедливых казарок Хей-Ян. Из назойливые, визгливые крики на рассвете и надсадные вопли голодных птенцов выводили Лонга из душевного равновесия. Душевное равновесие – то небольшое, что по -настоящему ценят лонги.

Ни капли сочувствия не мелькнуло в мозгу Лонга, когда затанцевали предгорья горы Хуошан, где-то наверху сдвинулся гигантский ледник в горах. Шуй-река превратилась в неистовый бурлящий поток и в одну секунду унесла семейство казарок.

- Шуук-Шу наверняка пуглив, думал Лонг. – Можно высунуться из ущелины и грыхнуть в реку. Можно даже не грыхать – только высунуться. Навряд ли после того, как Шуук-Шу увидит Лонга, этот недотепа с перепончатыми лапками будет и дальше строить здесь свой домик. Можно не высовываться – просто дождаться, когда вновь затанцуют склоны горы Хуошан, и Шуй-река превратится в ревущий поток.

- Постукивай, переключай – злорадно думает Лонг. – Склоны горы Хуошан – прекрасные танцоры.

На первый взгляд шууки кажутся маленькими беззащитными существами. На самом деле, шууки - очень выносливы. Своими перепончатыми лапками Шуук-Шу перетаскивает гальку размером с него самого. Устойчивость камушков Шуук-Шу не беспокоит – шууки очень гибки и могут пристроиться в любую щель. Выход из домика более-менее закончен: Шуук-Шу достраивает вторую стенку.

Больше всего Шуук-Шу мучает вопрос укрытия сверху. В любой момент можно попасть в беспощадные когти То-Ою. Бесшумно слетает То-Ою с соседнего склона, хватая добычу когтями и утаскивает наверх, в гнездо. Без укрытия сверху - шууку не выжить на склоне.

Шуук-Шу подрывает берег. Получается вполне укромное убежище с подходом к воде, защищенное с берега со всех сторон.

В сумерках усталый Шуук-Шу грызет найденный на берегу орех Джангуо. Здесь, в горах, вполне можно жить, не опасаясь людей с их хитроумной отравой, от которой погибла вся колония шууков в долине. Шуук-Шу очень больно от того, что он никогда не увидит родных. Он - единственный не набросился на отравленный рис, и убежал вверх по течению Шуй-реки, когда увидел как все шууки корчатся и издыхают, исходя кровавой пеной. Шуук-Шу единственный остался жив. Он - умница. Орехи Джангуо вполне съедобны. Для любого шуука главное – его собственная жизнь. Здесь, в домике на склоне, на берегу Шуй-реки, вполне можно жить. Под плеск струй Шуук-Шу сворачивается клубочком, обматывает себя хвостом, чьи чешуйки улавливают малейшую опасность, сгибает натруженные перепончатые лапки и засыпает, когда потухают во мраке предгорья горы Хуошан.

.....

Когда танцуют склоны горы Хуошан, синеватые глыбы ледников меняют свои лежбища. Предгорья наливаются неуютным малиновым светом. При первом же подземном толчке глыба льда сдвигается, высвобождая озеро ледяной воды, которое устремляется в узкое русло из гальки.

Сквозь сон Лонг чувствует танец горы Хуошан. Ему созвучны эти вибрации недр, отдаленное грыханье под землей. Это грыхает Великий Бог Лонгов, увидеть которого дано лишь в последний миг лонга, бросившись в кратер горы Хуошан.

Ущелину Лонг выбрал не только из комфорта – в ней можно прижаться брюхом к базальтовым глыбам и впитывать в себя безумный танец горы Хуошан, наслаждаться им до изнеможения.

Шуук-Шу несдобровать в его утлом домике. Но что такое какой-то шуук по сравнению с грозным танцем горы Хуошан и мощностью потока Шуй-реки в разливе?

Когда Шуй-река разольется, Лонг вылетит из ущелины, медленно взмахивая крыльями будет парить над яростным потоком, любясь тем, как вода выворачивает камни и сотрясаются скалы. Лонг высовывается из ущелины – ей ничего не угрожает. Сверху с ледника уже несется ревущая водяная машина.

Последняя секунда спокойствия окутывает склон.

В беспокойном неуютном сне что-то подбрасывает Шуук-Шу. Просыпаясь, он чувствует содрогание земли и нутром чувствует, что это. Спросонья первое поползновение – выскочить из домика, но Шуук-Шу вспоминает ровный, покрытый галькой склон, на котором негде

укрыться и не за что уцепиться. Рефлекторно Шуук-Шу зарывается в углубление рядом с большим валуном. Вот и все. В следующую секунду ни с чем не сравнимая сила разрушает Вселенную, увлекает за собой гальку, сдвигает валун и с ревом устремляется вниз, к долине.

Лонг упивается. Лонг любит безудержную стихию. Мутный зеленый поток сносит камни по склону. Лонг может смотреть на этот поток вечно. Какое дурацкое существо могло только подумать о том, чтобы построить здесь домик? Купальня-лагуна полностью сметена, но Лонг выроет себе новую. Ничто не может стоять на пути горного потока, который испокон веков, задолго до Лонга, разгуливается на склоне, когда танцует гора Хуошан.

В этот раз ледник потревожил небольшое озерцо. Поток быстро иссякает. Лонг слетает в русло Шуй-реки и катается в потоке, грыхая огнем. Поток становится теплым, склон окутывается паром.

У валуна Лонг видит в воде дрыгающийся чешуйчатый хвост и задние перепончатые лапки. Придавленный Шуук-Шу из последних силенок пытается выбраться наружу.

- Вот оно, - думает Лонг со смешанным чувством злорадства и странной тревоги, - сейчас задохнется и издохнет.

Последняя конвульсия заставляет хвост Шуук-Шу задрожать. Мир накрывает непроглядная тьма. Вдруг какая-то огромная сила сдвигает валун, чем-то острым и неприятным цепляет кончик хвоста Шуук-Шу, и вытягивает его наверх.

- Ну и существо! – на секунду Лонг ощущает неведомое доселе чувство сострадания. - Наверное перепончатопалый сдох. Лонг раскачивает безжизненную тушку Шуук-Шу, но тот не шевелится. Тогда Лонг открывает гигантскую пасть как для того, чтобы грызнуть, и аккуратно обдаёт Шуук-Шу тончайшей струйкой пара: шуук-шуууук-шуууууук, и коричневатая шкурка высыхает. Тушка дрожит, из полукрытой пасти Шуук-Шу выливается вода, перепончатые лапки и хвост дергаются. Лонг кладет тушку Шуук-Шу на верх валуна, под прикрытием другого валуна, на безопасном расстоянии от воды.

Лонг расправляет кожистые крылья с оранжевыми полосками, грыхает так, что с сосен на соседнем склоне осыпаются шишки. Лонг взлетает навстречу встающему солнцу. Оранжевые полоски на сгибах крыльев и спине Лонга ослепительно сверкают в лучах рассвета, наполненного мириадами водных брызг. Мало кто видел полет Ченг-Лонга – оранжевого лонга на рассвете. Но те, кому довелось увидеть, не смогут забыть этого полета до конца дней – ведь нет ничего прекраснее!

.....

Еще не просохли склоны у русла, не вернулись на деревья птицы, а Лонг дремлет в ущелине и слышит знакомые постукивания.

Лонг размышляет несколько секунд, потом высовывается из ущелины. Надо как следует напугать это перепончатопалое существо, чтобы оно больше сюда не совалось. Лонг видит: Шуук-Шу прихрамывает на левую переднюю лапку, конвульсивно дергается от боли, ковыляет, упорно подтаскивает гальку одну к другой, одну к другой, одну к другой. И вновь складывает стенку домика у воды.

Лонг смотрит на все это. И вдруг вспоминает про коридорчик.

Коридорчик Лонг нашел когда только-только поселился в ущелине и внимательно осматривал жильё на предмет проникновения непрошенных гостей.

Коридорчик - крошечный, у Лонга даже одна лапа в него не пройдет. Хотя Шуук-Шу в коридорчик пролез бы. С другой стороны коридорчик выходит на склон, к самой воде, а в ущелине заканчивается уютной сухой впадиной, недоступной для воды и надежно укрытой в базальте.

Шуук-Шу в этой базальтовой впадине было бы очень уютно. Вода впадине не угрожает, так как уклон коридорчика уходит вверх, выход к реке есть. Он же водоплавающий, раз перепончатопалый. Впадину можно прикрыть большой плоской костью лопатки буйвола – для Шуук-Шу получилось бы уютное убежище.

- О чем это я ?? – вдруг изумленно приходит в себя Лонг. Это же обыкновенный шуук! Если только подпустить к себе близко одного шуука, их заселится целое семейство, тогда уже Лонгу придется искать себе новую ущелину, так как шууки – существа крайне беспокойные, шептуньи и непоседливые. Придется переселяться и оставить рисунки! Целое стадо, нарисованное болусом на стене!

Шууки поодиночке достаточно милы и обаятельны. Они очень умные для таких маленьких существ. Но это совершенно не значит, что шуука надо пускать в ущелину.

Хотя вот этот коричневатый шуук с оранжевым пятном на левой перепончатой лапке Лонгу определенно все больше нравится. Есть в нем что-то такое, завораживающее. Лонгу все больше нравится исподтишка наблюдать за шууком, ничем не выдавая своего присутствия.

Шуук-Шу о присутствии Лонга не подозревает: во время разлива Шуй-реки Шуук-Шу был в отключке и даже не понял, кто вытащил его из-под валуна. Определенно именно в этом шууке, в Шуук-Шу, есть что-то завораживающее. Упертость какая-то. Что заставляет беднягу, все сильнее прихрамывая, таскать гальку?

Зачем шууку обитать на склоне, где так опасно, холодно и одиноко, где только лонги могут выживать? Шуук хочет сравниться с лонгами? Но это абсурд! Шууку нечего есть в долине? Но в долине всегда есть корм, даже если нет людей. Что тогда? Зачем он здесь строит домик?

За всю свою жизнь Лонг еще не встречал одинокого шуука. Этот, коричневатый с оранжевым пятном, какой-то особенный.

Постукивания на берегу не прекращаются. Только они становятся все короче, перерывы между ними все длиннее, как будто шуук смертельно устал. В сгущающихся сумерках Лонг прекрасно видит. Лонг различает крошечное тельце, которое, тяжело дыша, приваливаясь к камню, дрожащими от напряжения перепончатыми лапками, пытается сдвинуть хоть одну гальку! Еще хоть одну! Еще хоть одну!

Мысль о том, чем покрыть впадину в базальте, не выходит у Лонга из головы. Лонг потягивается в уютной ущелине, невольно думает, как там это дурацкое существо спит на мокром валуне на открытом ветрам склоне.

.....

В предзвездный час Лонг вдруг просыпается от свиста крыльев снаружи. Раньше Лонг никогда не просыпался от свиста крыльев снаружи, даже не обращал на него внимание. Это

ненасытная То-Ою ищет себе завтрак. Свист все ближе, по склону катятся камушки, что-то отчаянно пищит, и свист крыльев То-Ою удаляется.

Рассвет наваливается на Лонга грустью. Лонг никогда раньше не испытывал грусть даже когда что-то случилось с другими лонгами. Он столько раз видел ее у других, но никогда не испытывал сам. Он видит горе пастуха, у которого уносит козу или корову. Метания казарки, не нашедшей гнезда с птенцами после разлива Шуй-реки. Лонг не понимает: неужели он способен на грусть? Что такое грусть для огромного существа, чьи крылья и спина не уступают в блеске восходящему солнцу? Кто для Ченг-Лонга мелкий коричневый шуук, которого унесла в когтях хищная То-Ою?

Лонг высовывается из ущелины, посмотреть не осталось ли кровавых следов на валуне: скорее всего То-Ою унесла еще живого шуука, чтобы не спеша съесть в гнезде.

Склон пуст, только ошметки лишайников покрывают гальку, разбросанную разливом Шуй-реки. Лонг делает круг над руслом на бреющем полете, но не находит никого. Лонга посещает странное, щемящее чувство сожаления. Он же в два счета мог прогнать То-Ою, просто высунувшись из ущелины.

Сова смертельно боится Лонга: однажды, после наглой выходки То-Ою, осмелившейся влететь к Лонгу в ущелину, Лонг одним грыханьем спалил гнездо с птенцами То-Ою. Сове не помогли ни вопли, ни когти.

Сейчас То-Ою вновь свила гнездо на другом дереве, и гнездо вновь полно птенцов. Не зря сова унесла шуука в гнездо, а не разделалась с ним прямо на берегу.

Лонг не понимает, что заставляет его это делать – он взмывает над соседним склоном и оказывается над деревьями.

.....

Мир застилает пелена. Шуук-Шу уже ничего не чувствует: когти То-Ою прочертили глубокие борозды, коричневатые бока красны от крови. Сквозь пелену просвечивают огромные хищные глаза, гигантский клюв, шесть пар таких же глаз поменьше и разинутые маленькие клювы.

То-Ою учит птенцов, как правильно завтракать шууком:

- Смотрите, - То-Ою распушается в предвкушении завтрака. – Вначале вам надо схватить шуука когтями и быстро сломать ему клювом хребет. Тогда он не сможет от вас сбежать, но проживет еще несколько дней, и мясо будет свежим. Когда вы захотите съесть шуука, вы его добьете. Или можете есть, не добивая, живьем, так еще вкуснее. Сейчас мы попробуем, я специально не стала переламывать хребет этому шууку, чтобы вы попробовали – живьем, и когда он дергается – есть вкуснее всего!

Разинутые клювы придвигаются. Шуук-Шу ощущает прикосновение к боку и нестерпимо острую боль.

Вдруг раздается чудовищный гул, ветка на дереве над гнездом загорается. Сквозь пелену Шуук-Шу видит ужас во всех огромных хищных глазах, и То-Ою закрывает птенцов крыльями. Рев оглашает склон, осыпаются камни. Последнее, что ощущает Шуук-Шу - что-то острое и неприятное цепляет его за хвост и несет далеко-далеко, высоко над землей, выше самых высоких деревьев. Вот так улетают в страну Великих Шууков!

- Вот оно, то, что в конце, то, что случилось со всей нашей колонией! – думает Шуук-Шу, проваливаясь в небытие.

.....

О чудесных свойствах Цао-травы Лонг знает давно. Когда много лет назад, ему, еще юному лонгу, копые человека проткнуло бок, он из последних сил добрался до склона и, исходя кровью, катался по колючим зарослям Цао-травы, так что кровавый ручеек потек по склону, а заросли Цао-травы побурели.

Наконечник копыя вышел сам собой, бок болел нестерпимо, Лонг лежал между камнями и тихо погрыхивал от боли, но через несколько дней бок стал зарастать.

Лонг бережно заносит безжизненную тушку Шуук-Шу в ущелину, кладет в базальтовую впадину у коридорчика, вылетает на склон, грыхает на наледь, и из-под льда вырывает несколько кустиков Цао-травы. Лонг возвращается в ущелину и обкладывает Шуук-Шу вырванными кустиками.

- Наверное, не успел, - горечь обжигает сердце Лонга. Лонг вдруг ощущает бешеное желание грыхнуть и спалить То-Ою с птенцами, гнездом и всем деревом. Необоримое желание.

Это вызовет гнев главного – Черного Хей-Лонга. Но свою ярость не одолеть: каждый знает, что ярость лонга не остановить, надо дать ей выплеснуться наружу.

Лонг уже рвется вверх, когда краем глаза видит, что кончик хвоста Шуук-Шу дрожит, меж зубов шуука течет розовая пена. Лонг останавливается, застывает рядом с базальтовой впадиной, открывает пасть как чтобы грыхнуть, но вместо того, чтобы грыхнуть начинает покрывать тушку Шуук-Шу тончайшей струей пара: шуук-шуууук-шуууууук.

Понемногу с тельца Шуук-Шу начинает стекать запекшаяся кровь. Цао-трава теряет колючесть, обмякает, покрывает тельце шуука волокнистой кольчужкой. Лонгу очень хочется, чтобы Шуук-Шу выжил. Ему никогда еще ничего так не хотелось. Лонгу очень хочется, чтобы Шуук-Шу выжил.

Лонг сидит и часами смотрит, как легонько опускается и поднимается израненный бок Шуук-Шу под травяным покровом. Правая передняя перепончатая лапка Шуук-шу вывихнута и торчит под неестественным углом. Лонг аккуратно дергает за лапку когтями: лучше вправить вывих, пока Шуук-Шу спит – не так больно. Ну и заодно лучше лишний раз удостовериться, что Шуук-Шу жив. Тушка Шуук-Шу дергается от боли.

- Живо-о-ой, - удовлетворенно и радостно вздыхает Лонг. Шуук-Шу проснется и захочет есть. А что, собственно, едят шууки?

На закате Лонг летит в долину. Утаскивает козу, к ужасу пастуха. Ломает козе хребет, чтобы не убежала. Возвращается в долину. К ужасу пастуха, утаскивает его ужин – два ломтя хлеба с козьим сыром. Хлеб и сыр Лонг аккуратно кладет в базальтовую впадину рядом с Шуук-Шу. Лонг удовлетворенно ужинает козой.

Базальт в ущелине вибрирует. Гора Хуошан начинает танцевать. Сегодня Лонг не беспокоится за ущелину. Лонги наделены особым даром – определять в горах самые

устойчивые и безопасные места. Во всей тысячелетней истории лонгов не найдется ни одного, заваленного камнями во время землетрясения.

После ужина Лонг находит в углу ущелины старый череп. Лонг летит к Шуй-реке. Пока толчки еще не сильные, можно и искупаться. Лонг грызает в русло реки, и струи теплеют. Лонг набирает в череп воды, и бережно, чтобы не расплескать, относит череп в ущелину. Ставит череп в базальтовую впадину рядом с Шуук-Шу.

Гора Хуошан танцует все сильнее и сильнее. Где-то наверху горное озеро опять выходит из берегов.

Лонг прижимается всем огромным чешуйчатым телом к базальту и упивается содроганиями, танцем горы, маревом в воздухе и красноватыми бликами, освещающими углы ущелины.

В упоении Лонг собирается вылететь из ущелины, закружить над выплескивающимся озером, любоваться летящими камнями, столбами пепла и потоком раскаленной лавы в трещинах вокруг кратера танцующей горы Хуошан. А как прекрасны падающие звезды, когда они летят по небу во время извержения!

Краем глаза Лонг видит, что в базальтовой впадине, под слоем Цао-травы, Шуук-Шу во сне трясется в ужасе.

- Я не могу улететь резвиться и оставить Шуук-Шу в ущелине одного, - беспокоится Лонг. Странно, шуука так пугает танец горы Хуошан. - Вдруг Шуук-Шу очнется, вылезет из впадины, в ужасе побежит вниз по коридорчику наружу. Там шуука сметет разлившаяся Шуй-река. Или с потолка на впадину свалится камень. От Лонга камни отскакивают, а Шуук-Шу задавит...

А вдруг...

Вдруг гора Хуошан по-настоящему затанцует? Ущелина окажется в опасности.

Такое ведь было.

Всего один раз.

Но уже было...

Хочется полетать. Как прекрасен разлив Шуй-реки, когда танцует гора Хуошан. Как Лонг любит отсветы вершины горы Хуошан, одетой огнем и пеплом.

Но Шуук-Шу здесь один.

Совсем один...

Лонг смиряется. Лонг устраивается поудобнее рядом с базальтовой впадиной. Лонг прикрывает Шуук-Шу кожистым крылом. Гора Хуошан продолжает танцевать, с потолка летят камни. Осколки отскакивают от чешуйчатой шкуры Лонга.

Нет, это еще не самый бурный танец горы Хуошан.

Шуук-Шу плохо. Пелена не спадает. Мерещатся в пелене открытые клювы и много хищных глаз...

Поток...

Красный, терпкий поток уносит Шуук-Шу в водоворот огня...

Но Шуук-Шу не сгорит до конца...

Толчки...

Толчки с разных сторон...

И смертельная опасность...

Осыпающиеся камни, падающие в красный водоворот...

Какое-то странное, доселе невиданное существо над ним...

Как крышей накрывает его собой...

Толчки...

Красный поток все усиливается и ревет...

Опять эти хищные глаза...

Клювы...

Глаза...

Шуук-Шу хочет проснуться и открыть глаза, вырваться из этой пелены, бежать по склону, что есть мочи...

Но пелена не отпускает...

Саднит разбитая левая лапка, болит правая...

Попытаться спрятаться в этой пелене...

Сожрет ли его это страшное огромное чудище?

Будет ли оно рвать Шуук-Шу когтями медленно, как То-Ою, или проглотит сразу и Шуук-Шу окажется в Стране Великих Шууков?

Шуук-Шу страшно.

Но в соседстве этого чудовища есть и что-то горячее и уютное.

Толчки...

Шуук-Шу смиряется и проваливается в крепкий сон.

.....

Гора Хуошан заходится в танце. Шуй-река разливается все сильнее. Низ коридорчика в ущелине полностью затоплен. Лонг аккуратно переносит спящего Шуук-Шу, ужин пастуха и череп с водой на уступ, в свое безопасное лежбище на верху ущелины.

Лонг кладет Шуук-Шу и сыр в ложбинку на своей спине, складывает домиком огромные крылья, чтобы прикрыть шуука от падающих камней.

- Если захочет пить, положу туда же череп с водой, - Лонг почесывается – падающие камни щекочут ему чешуйчатые бока. – И с чего мне в голову вдруг пришло заботиться об этом Шууке? Необъяснимо...

...Что-то огромное...

Чудище, которое сидело сверху...

Равномерно вздрагивает под его больными лапками...

Бух-бух-бух-бух...

Что может так стучать?

.....

Шуук-Шу лежит в странно пахнущей чешуйчатой канаве, весь облепленный травой. Пахнет сыром. Очень хочется есть. Сквозь пелену Шуук-Шу нащупывает носом сыр и торопливо его съедает. Тут створки над головой открываются, огромная когтистая лапа дает Шуук-Шу воду. Шуук-Шу торопливо пьет и опять проваливается в пелену. Пелена убаюкивает.

.....

На рассвете гора Хуошан перестает танцевать. Даже внутри ущелины чувствуется, что в воздухе носится пепел.

Лонг выныривает из дремоты. Расправляет крылья, смотрит на спящего Шуук-Шу.

Лонг находит в углу старый коровий череп, набивает его ошметками козьих шкур, аккуратно, чтобы не разбудить, перекладывает Шуук-Шу на шкуры, ставит череп со спящим шууком в безопасный угол ущелины у базальтовой плиты и оставляет остатки воды.

Расправив затекшие крылья, Лонг вылетает наружу.

Такого разгрома в предгорьях Хуошан Лонг еще не видел!

Впервые лава дотекла до склона Шуй-реки и теперь медленно остывает.

Ручейки воды превращаются в пар.

Паром и пеплом окутан весь склон.

Там, где стояло дерево с гнездом ненасытной То-Ою, торчит из застывающей серой массы жалкий обугленный остов.

Восток накрывает огромное черное облако пепла, и солнце кажется тусклой круглой галькой сквозь пелену.

По долине передвигаются точки.

Лонг приглядывается.

Это бегут люди, спасаясь, и спасая скот.

Лонг не узнает Шуй-реки.

Русло исчезло.

Везде громоздятся груды лавы.

В лаве застыла галька.

Лавы наглухо замуровала коридорчик, ведущий в базальтовую впадину в ущелине.

Коридорчик...

- Вот и хорошо, - почесывается Лонг. – И поддувать теперь не будет. И Шуук-Шу из ущелины не сбежит.

- А что теперь есть?

Ему, Лонгу, и Шуук-Шу тоже.

Россыпи орехов Джангуо – под лавой.

Люди уходят. Уводят скот.

Можно было бы съесть семейство То-Ою, но их захлестнуло лавой. Или чуть прикрыло?

Лонг подлетает к обугленному остову дерева, отколупывает когтями верхний слой еще горячей лавы, как оказывается, совсем тонкий. Находит почерневший скелет совы с растопыренными крыльями. Под ней комок из плоти, пуха, перьев и клювов.

Предгорья горы Хуошан – жестокое место.

Здесь нужно уметь больше, чем просто спрятаться в гнезде, когда гора Хуошан начинает танцевать.

Здесь нужно уметь многое, чтобы выжить.

Лонг берет в когти бесформенный комок из плоти, пуха, перьев и клювов – на завтрак Шуук-Шу хватит, а дальше будет видно, что делать.

В ущелине Лонг прячет комок в угол.

Лонг голоден.

Но...

Лонги любят приткую упругую свежатинку!

Для него этот комок – на один зуб.

Шуук-Шу нужно набираться сил.

Интересно, едят ли шууки свиное мясо?

.....

Лонг проверяет: Шуук-Шу жив и сладко посапывает в коровьем черепе, набитом шкурами, травой и остатками сыра.

Лонг ложится подремать в полной тишине, не нарушаемой ни журчанием реки, ни шелестом деревьев, ни криками назойливых птиц.

Грозный танец замышляет гора Хуошан.

Неизбежный танец.

Чутьё никогда не подводит Лонга. Сейчас еще есть время, чтобы сладко подремать. Даже подрыхнуть.

Только настоящие лонги умеют сладко дрыхнуть до последнего на краю катастрофы.

.....

Лонг просыпается от того, что кто-то щекочет нос. Сквозь дрему Лонг чувствует толчки, нарастающие под землей. Гора Хуошан опять начинает танцевать. Но на этот раз Лонгу не хочется прижиматься чешуей к базальту и впитывать ритмы этого танца всем огромным телом, от кончика носа до кончика хвоста.

Нет.

Сейчас танец становится все более грозным.

В углах ущелины дрожит малиновое марево.

Природный голос шепчет:

«Беги, Лонг! Беги! Улетай!»

...Кто-то щекочет нос...

Лонг открывает левый глаз.

Потом правый.

На носу, посреди, над ноздрями, на шершавой от грыханья коже сидит Шуук-Шу, облепленный остатками крови, травы, сыра и козьего меха.

- Ты кто? – у Шуук-Шу о-о-чень большие глаза.

- Я где?

- Ты меня съешь?

- А когда?

- Что все это значит?

Гора Хуошан танцует все сильнее.

Голос в голове Лонга твердит все громче:

- Беги!

- Беги быстрее!

- Улетай!

- Не время, - отвечает Лонг сидящему на носу Шуук-Шу. – Нам надо торопиться.

- Нет. Все-таки, - Шуук-Шу трет мордочку перепончатыми лапками.

- Я требую ответа.

- Ты меня съешь?

- Только, пожалуйста, сразу.

- Я устал.

Пол подпрыгивает от толчка огромной силы.

Пора, Лонг!!!

Пора!!!

Лонг хватает Шуук-Шу когтями за хвост.

Так вот что это было - острое и неприятное, что хватает за хвост!

Когда вытаскивало из-под валуна.

И из гнезда То-Ою.

- Я требую ответа! – вопит Шуук-Шу.

- Ты меня съешь? Ешь сразу! Я устал!!!

- Я не ем шууков,- грыхает Лонг.

Лонг закидывает Шуук-Шу в ложбинку на спине. Туда же – комок из плоти, пуха, перьев и клювов. Не известно, когда ему удастся добыть еду для шуука.

Лонг зажимает спинными мышцами ложбинку, чтобы груз не выпал, и взмывает вверх навстречу потоку из камней, уворачиваясь от падающих глыб.

- Рисунки пропадут, - сожалеет Лонг, буравя крыльями воздух.

Никто, кроме самих лонгов, не знает, что у них на спине есть ложбинка, в которой можно чувствовать себя вполне уютно даже на большой высоте. Конечно, если Лонг сам захочет вас покатать.

Шуук-Шу этого не знает. Шуук-Шу в ужасе вжат в ложбинке вместе с комком из плоти, пуха, перьев и клювов. Клювов уже безжизненных, но все еще таких страшных.

Шуук-Шу видит, как обваливается за ними узкая черная дыра – вход в ущелину. Как со страшным гулом вниз оседает огромная часть горы.

- Мы могли быть там! – шепчет Шуук-Шу.

- Пропали рисунки! – грыхает себе под нос Лонг.

Бух-бух-бух-бух!

В ложбинке, под кожей, часто-часто громыхает огромное сердце Лонга.

Не верьте невозмутимому виду лонгов – у них тоже часто-часто бьется в полете огромное сердце.

Лонг набирает высоту над потоком раскаленной лавы, которая стремительно поглощает то место, где была ущелина.

- Нарисую новые! – грыхает Лонг себе под нос.

Лонг поворачивает на запад. Туда, где солнце зайдет за чистый горизонт, куда не дойдет черное облако пепла танцующей горы Хуошан.

Спиной Лонг ощущает крошечное тельце Шуук-Шу. Именно в этот момент Лонг понимает, что именно этот шуук ему очень дорог.

- Жалко, - Лонг пролетает над танцующими предгорьями. – Опять придется съесть и нарисовать целое стадо, пока получится что-то масштабное.

- Шуук-Шу у него на спине.

- Летим на закат.

- Найдем пристанище.

- Вдруг Шуук-Шу сбежит, когда приземлимся?

Силы покидают Лонга уже в темноте. Устало взмахивая крыльями, Лонг летит над равниной, покрытой огнями костров.

Люди спаслись.

И спасли скот.

Еда.

Лонгу хочется есть. Но еще больше хочется приземлиться и дать отдых крыльям. Лонги тоже устают.

Равнина с огоньками заканчивается. Вдали, под луной, мерцает огромная, никогда не виданная Лонгом, водная гладь. Море. Лонг слышал о нем, но никогда не видел. Какое оно, море?

Внизу темнеет горная гряда.

Неспешно поводя крыльями, Лонг приземляется на плоскую площадку из очень твердого камня.

Сильный ветер.

Лонг находит углубление себе по росту.

Когда дует сильный ветер, лучше найти углубление.

Лонг грызает на камни и ложится брюхом в теплое углубление.

Главное, чтобы брюхо было в тепле.

Аккуратно разжимает мышцы спины и сжимает дрожащего от холода Шуук-Шу.

Трудно передать весь ужас, который охватывает шуука.

Под звездным небом, в отсвете мерцающего вдали моря, Лонг открывается ему во всей исполинской чудовищной красоте.

- И все-таки! – выдавливает из себя Шуук-Шу.

Потирает мордочку перепончатыми лапками.

- Я требую ответа!

- Ты меня съешь?

- А когда?

- Пожалуйста, сразу!

- Я устал!

Лонг берет Шуук-Шу когтями за хвост.

Опять это отвратительное ощущение, когда ты болтаешься в воздухе, а что-то острое и неприятное держит тебя за хвост.

Когда ты болтаешься в воздухе, а за хвост тебя держат острые когти дракона.

Оранжевое чудище!

А ты бессилен!

Чудище открывает огромную пасть, полную острейших зубов.

Сейчас оно выпустит струю огня.

Открыв пасть, Лонг нежно греет Шуук-Шу струйкой пара: шуук-шууук-шуууууук!

На востоке горизонт дрожит неуютным малиновым маревом. Но марево им не угрожает.

- Ты такой упертый! – Лонг говорит устало. Ведь лонги тоже устают, но никогда не подают вида.

- Я не ем шууков. Лонги вообще не едят шууков и прочую мелюзгу. Коза-там-или овца – еще куда ни шло.

- Хочешь – иди куда хочешь. Но лучше – лезь в ложбинку на спине. Там еще совытина осталась.

- Я ее боюсь, - Шуук-Шу трет мордочку перепончатыми лапками.

- И все-таки...

- Утром полетим искать завтрак, - зевает Лонг. Лонг толчком спинных мышц выкидывает комок плоти, пуха, перьев и клювов из ложбинки.

- Я вообще для тебя их взял. Лонги любят приткую упругую свежатинку!

- И все-таки... - Шуук-Шу карабкается вверх по чешуйчатому боку.

- Что тебе от меня надо?

- Если ты меня не съешь?

- Мне ничего от тебя не надо, - Лонг разминает длинную шею, уставшую в полете.

- Ты мне просто нравишься.

- Мне просто нравится, что ты есть.

- Лезь в ложбинку.

- Утром поищем завтрак.

- И все-таки, - на краю ложбинки, у мышц-зажимов Шуук-Шу трет мордочку перепончатыми лапками.

- Что тебе от меня нужно?

...

- Ничего мне от тебя не нужно!

- Н-и-ч-е-г-о! – заорал Лонг и грыхнул со злости так, что оплавилась камнями.

- М-н-е п-р-о-с-т-о н-р-а-в-и-т-с-я, ч-т-о Т-Ы Е-С-Т-Ь!

- Такой вот, как есть! Упертый! Крошечный! Вечно строящий домик! Дурацкий! Морда странная! Лапки с перепонками! Уши большие и ободранные! Хвост чешуйчатый. Как у меня! И это оранжевое пятно на лапке!

- ...

- Ну я ведь ... Кры-ы-с! Водян-о-о-ой! – Шуук-Шу трет мордочку перепончатыми лапками. Потом шустро ныряет в ложбинку на спине Лонга.

Бух-бух-бух-бух!

Под ложбинкой гулко и тяжело бьется огромное сердце дракона.

- ... Я же Кры-ы-с! Водян-о-о-ой! – Шуук-Шу сворачивается в ложбинке клубочком, обматывает вокруг себя хвост и тут же засыпает.

Ветер дует над ложбинкой, но в ложбинке тепло и уютно.

Лонг сгибает крылья над ложбинкой домиком.

- Нарисую новые , - грыхает он под нос и тут же проваливается в сон.

Над углублением в твердом камне дует сильный ветер, но под горячим брюхом Лонга камень не остывает.

Сердце лонгов настолько горячо, что они спят даже на каменных вершинах, обдуваемых сильным ветром.

Лонгам полезно иногда остужаться.

За темным облаком пепла восток наливается розовым светом. С этой вершины гора Хуошан совсем не выглядит грозной. Даже и не скажешь, что она умеет танцевать.

Октябрь 2018 – январь 2019

